

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПОНЯТИЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Рассматривается проблема использования понятия маргинальности в исторической науке. Дается обзор появления понятия маргинальности в социальных науках, оценка его сегодняшней методологической состоятельности. Подвергаются критике понятия «структурной» и «объективной» маргинальности. Отталкиваясь от психологических переживаний индивида, маргинальность определяется как кризисное состояние неуверенности, неопределенности или самоопределения человека. В связи с этим определением предлагается перейти к типологизации исторических личностей или социальных групп, что даст возможность новых, актуальных интерпретаций мотивации и поведения маргиналов, причин формирования и распада маргинальных групп.

Ключевые слова: маргинальность; маргинальная культура; культурный конфликт; психологический кризис; историография.

Понятие маргинальности, родившееся в 20-х гг. XX в. в американской социологии, уже более 80 лет не только сохраняет своё значение в этой науке, но и становится предметом внимания философов, культурологов, экономистов и искусствоведов. В последние десятилетия интерес к феномену маргинальности за рубежом несколько спал; у нас в стране, судя по многочисленным исследованиям, он только продолжает разрастаться. Маргинальность сегодня, по всей видимости, становится не только распространённым явлением, но и фактором массового сознания. Об этом говорит стремительный рост употребления термина в последние годы. В 2001 г. в поисковой системе Google находилось более 1 200 русскоязычных ссылок на страницы, где он употребляется. В начале 2012 г. таких ссылок 78 500, в начале 2013 г. – уже 105 000.

В отечественной историографии, несмотря на всё более распространяющиеся междисциплинарные подходы, использование понятия более чем скромно, а при отсутствии разработанности самой проблемы, ещё и малокритично. Между тем историкам трудно ответить на вопрос, насколько понятие маргинальности может быть применимо к прошлому, использовано исследователями и есть ли у него методологический потенциал. С одной стороны, понятие маргинальности, возникшее в XX в. и предназначенное для обозначения актуального на тот момент явления, должно применяться к более ранним историческим периодам осторожно, чтобы не стать инструментом модернизации истории. С другой стороны, являясь продуктом осмысления настоящего, понятие маргинальности не может не быть инструментом познания прошлого. Так же было и с другими актуальными понятиями. Можно найти или не найти «капитализм» в античном мире, однако обойтись без сравнения и сопоставления античной экономики с капитализмом практически невозможно. Поэтому маргинальность и маргиналов можно и нужно искать в обществах прошлого. Другое дело, что сделать это корректно возможно только через осмысление самого понятия, которое отнюдь не является простым.

Появление понятия «маргинальность» (от лат. *margo* – край, граница) восходит к деятельности чикагской школы социологии в 30-е гг. XX в. Оно было введено Р. Парком для характеристики состояния мигрантов в американском обществе и связано с пространственной мобильностью [1]. Но несмотря на то, что Парк был социологом, в основу его концепции легли соци-

опсихологические аспекты социализации, что характеризовало общую научную атмосферу того времени. Работы З. Фрейда и других психоаналитиков оказали глубокое влияние на социологов, чья наука еще не прошла процесс социализации и самоутверждения. Большое влияние на Парка оказала и социология Г. Зиммеля. Ее особенностью был психологизм, переживание, интерпретация фрагментарного мира, растворение фиксированных содержаний в терминах внутреннего душевного опыта [2. С. 13]. Главное, что, по Парку, определяет природу маргинального человека, – чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы. Это состояние связано с периодом переезда, перехода, определяемого как кризис. Маргинальный человек выступает как «побочный продукт» социального процесса аккультурации [3. С. 10].

Э. Стоунквист, последователь Парка, описывает маргинальное положение социального субъекта, участвующего в культурном конфликте и находящегося «между двух огней». Такой индивид находится на краю каждой из культур, но не принадлежит ни одной из них. Стоунквист полагал, что процесс адаптации может привести к формированию личности с новыми свойствами [Там же].

Итак, первоначально проблемой маргинальности был культурный конфликт, влияющий на психическое состояние человека. Дальнейшее развитие американской социологической мысли относительно понятия привело к расширению круга описываемых случаев маргинальности. В связи с этим появляются новые подходы, маргинальность выходит из чисто культурного аспекта, все более смещается в область социального. Немаловажной причиной такого изменения стало бурное развитие социологической науки в послевоенной Европе и Америке. Сменяя историю в роли «учительницы жизни», социология становится наукой о социальной структуре общества. Распространяется мнение, что выявление такой структуры, правил социального взаимодействия способно не только дать четкое знание о происходящих в обществе процессах, но и позволит прогнозировать эти процессы. Маргинальность начинает рассматриваться и как продукт социальной мобильности, и как особый статус [4]. Постепенно социально-психологические особенности маргинальной личности отходят на задний план, все большее значение приобретает парадигма, выросшая из учения

К. Маркса и философии структуралистов. Основным в американской, латиноамериканской и, особенно, западно-европейской социологии становится подход в изучении маргинальности в связи с «объективными социальными условиями», с уклоном в сторону изучения этих условий и социальных причин маргинализации.

Внимание общества к социальному, самоутверждение социологической науки привели к появлению множества концепций, по-разному структурирующих социальный мир и, соответственно, определяющих маргинальность. Призыв к изучению «реальных социальных структур» привел к доминированию маргинальности «по определению». То есть маргиналами стали называть тех, кто «реально» находился в маргинальной позиции, крайнем или пограничном состоянии. Эта «реальность» основывалась либо на представлении общества о себе самом, либо на представлении об обществе социологов. Однако ни в обществе, ни среди ученых никогда не существовало единых представлений и единой картины мира. И хотя концепции социологов, доведенные до массового сознания, могли обретать реальность, все они не выдерживали проверки временем, не давали достаточно объективных критериев маргинальности. Если же принять во внимание, что повышение мобильности общества, информационные технологии и распад социальной однородности ведут к ризомности, атомизации социальной жизни, то маргинальность «по определению» становится просто всеохватывающей. В итоге стали раздаваться голоса как в пользу того, что маргинальность в современном обществе исчезает [5. С. 146], так и в пользу того, что все общество становится маргинальным. Интересен тот факт, что в последние десятилетия XX в., когда на Западе и в Америке наблюдалась определенная стабилизация общественной жизни, интерес к понятию маргинальности перемещается в страны третьего мира. Можно сказать, что расплывшееся понятие маргинальности перестает быть базой серьезного теоретизирования, превратившись в образ стереотипного мышления. В России первые упоминания о маргинальности относятся к 60-м гг., когда был переведен труд американского психолога Т. Шибутани [6]. Кроме того, маргинальность фигурирует во многих реферативных журналах, освещающих буржуазные социологические концепции [7, 8].

С приходом перестройки, в условиях поиска объяснения новой социальной ситуации и при остром дефиците иностранной литературы, содержание этих реферативных журналов актуализируется, появляются новые обзоры. Более востребованным становится и понятие маргинальности. Изначально за модель была взята «структурная маргинальность», или «маргинальность по определению», так характерная для западно-европейской социологии. Но если на Западе послевоенные кризисы затрагивали лишь отдельные слои населения, то уже сама ситуация полного, системного кризиса заставляла по-новому осмысливать понятие, возвращаться к заложенным еще Парком возможностям анализа кризисных явлений.

В результате работы множества публицистов и социологов стала вырисовываться концепция, смысловым центром которой становится «образ переходности,

промежуточности» в социальной структуре. Маргинализация признается широкомасштабным процессом, имеющим тяжелые последствия для широких масс населения, но и являющимся ресурсом для социального обновления [3. С. 44–45]. Интересно отметить, что при всех этих позитивных тенденциях исследователи так и не смогли выработать более определенного взгляда на то, чем является маргинальность. Вместо попыток установления смыслового, категориального ядра понятия наблюдается дробление феномена, например, на культурную, структурную и маргинальность социальной роли. Процессы маргинализации рассматриваются в разных измерениях, например экономическом, политическом и социальном [9].

Активному смещению понятия способствовал не только перенос его из социологии в другие науки, но и специфика его восприятия на инокультурных почвах. Так, довольно специфично понятие маргинальности в массовом и научном сознании французов. Существительное *маргинал*, как отмечает Арлет Фарж, появилось во Франции лишь в 1972 г.: «Маргиналами стали называть тех, кто либо сам отвергает общество, либо оказывается им отвергнутым» [5. С. 143]. Во главу угла определения исследователь ставит, прежде всего, политические мотивы, конфликт с общепринятыми нормами, общественным строем, столкновение с окружающим миром. В XIX в., пишет он, окончательно утвердилось положение, при котором с увеличением числа случаев, квалифицируемых законом как противоправное поведение, возрастает и число лиц, объявляемых опасными, подвергаемых остракизму. Уход в маргинальность, по его мнению, «предполагает два совершенно различных маршрута: либо разрыв всех традиционных связей и создание своего собственного, совершенно иного мира; либо постепенное вытеснение (или насильственный выброс) за пределы законности» [Там же. С. 144].

Интересно, что для французского учёного маргинальность – практически всегда продукт целенаправленной деятельности общества по отторжению «вредных» элементов, для подкрепления собственного «нормального» мира. Претерпевает эволюцию только отношение к маргиналам, реакция общества на страх перед чуждым. Само же явление, как можно сделать вывод, оставалось неизменным. Теперь же «...отверженность выступает как продукт распада общества, поражённого кризисом. Слово “маргинал” постепенно выходит из употребления...» [5. С. 146]. Причину этого исследователь видит в том, что превращение в маргинала больше не зависит от личного или общественного выбора. «Маргинал отныне не какой-то чужак или прокажённый. Он схож со всеми, идентичен им и в то же время он калека среди себе подобных» [Там же].

Таким образом, наличие устойчивого понятия маргинальности в массовом сознании и реалии современности порождают неопределённость, неприятие термина «маргинальность» во Франции. Напротив, в индийском обществе маргинальными считаются многие общественные движения. Маргиналы там не просто «социокультурные отщепенцы», как выразился Е. Рашковский [5. С. 148], но и те, кто ищет пути нравственного и общественного служения своей стране.

Возможность маргиналов послужить делу обновления, привнесения новаций в социум отмечается многими исследователями. Но можно заметить, что эта роль во многом зависит от рамок, в которых маргиналы воспринимаются. И большое значение здесь играет профессиональная субъективность восприятия. Случается, что представителями культурной маргинальности называются прежде всего «мигранты, люди, вступившие в смешанные браки, представители старшего поколения с “молодой душой” и взглядами, женщины – матери с ориентацией на профессиональную карьеру, бисексуалы и т.д.» [10. С. 11]. Характерны и логические противоречия, когда, определяя маргиналов как находящихся на «обочинах» господствующих норм, исследователь пишет, что «маргинальный статус стал в современном мире не столько исключением, сколько **нормой** (выделено мной. – Н.С.) существования миллионов и миллионов людей» [5. С. 147].

Сейчас уже становится ясно, что для предотвращения подобных несообразностей необходим поиск смыслового ядра маргинальности, способного конкретизировать применение понятия в исторической перспективе. Чтобы сделать это, на наш взгляд, необходимо отказаться от «структурной» и «объективной» маргинальности как необъективной, в том смысле, что схематическое структурирование реальности не может дать четких критериев в определении феномена. Что же может стать такими критериями?

Когда Парк, в свое время, формулировал понятие маргинального человека, он обращал внимание на его психологическое состояние, выраженное в *неуверенности*, *моральном смятении* и т.п. Зачастую такое состояние не является отрефлексированным и вызывает невроз. Эта неуверенность, внутренняя неувлеченность может быть одним из критериев маргинальности. Проблемой здесь является сложность выявления такого состояния, особенно если ни опроса, ни психологического обследования нельзя провести. Впрочем, автобиографии, письма и другие личные тексты могут быть достаточно информативными для реконструкции психологического состояния исторической личности.

Другой критерий связан с социальным конструированием реальности, когда индивид обнаруживает, что его представление о себе не совпадает с мнением большинства. Это порождает *дистанцию*, *чуждость*, *нетипичность* по отношению к группе, создает культурное и социальное напряжение. Чаше всего такая дистанция или чуждость рассматриваются через призму нормативного существования.

В определении маргинальности взаимоотношение с нормой играет важную роль. Маргинальность не может существовать совершенно вне нормы, вне контекста, ведь маргинальность, неопределенность всегда существует относительно кого-то или чего-то. Что же мы имеем в виду, говоря о норме? Норма, на наш взгляд, должна также определяться «изнутри». Ведь два разных исследователя (или общественных группы) могут определить норму и того, кто из нее выпадает, по-разному. Ситуацию усугубляет то, что связь маргинальности с отклонением от нормы не только субъективна, но и не линейна. Сложность и неоднозначность нормативной системы координат хорошо проиллюст-

рировали постмодернисты. Идея децентрации Ж. Деррида, невозможность рассуждать о подлинной маргинальности в рамках бинарной оппозиции, по утверждению М. Фуко, отрицание культурных стереотипов и запретов со стороны маргиналов приводят к тому, что опыт маргинального существования оказывается невозможным вписать внутри институциональных стратегий [11].

Первоначальное представление о маргинальности складывалось в рамках бинарных оппозиций «норматология» и «центр – периферия». Современные исследования показали ограниченность такого взгляда. Анализ отношения центра и периферии и отказ от такой схемы является переходом к более сложным представлениям о структурах и топологических свойствах реальности.

Другими словами, мы можем говорить о норме определённо только там, где она разрушается и получает достаточную долю неопределённости. В какой-то степени норма – это зафиксированный образ прошлого. Например, для старика норма – это мир его молодости. Таким образом, маргинальное положение можно рассматривать и как *нормативную неопределенность*. Такая социально выраженная неопределенность нуждается в осмыслении. Ещё Стоунквист отмечал, что маргинал не сразу осознаёт существующий культурный конфликт. Именно рефлексия создает *ситуацию*, которую можно определить как *кризисную*. Маргинала не устраивает сложившееся положение вещей, и он отчаянно ищет выход. Ситуация кризиса гораздо более чётко отражает специфику возникновения феномена. Кризис в России накануне революции – яркий тому пример. Нельзя сказать, что накануне революционных событий существовала такая уж серьёзная неопределённость масс в социальном плане, наоборот, классовая принадлежность большинства населения была очень чёткой. Другое дело, что все социальные слои находились в ситуации кризиса и активно пытались найти выход из создавшегося положения. Социальный кризис здесь тесно переплетался с множеством личных культурных конфликтов.

Введение параметра кризиса в определение маргинальности продуктивно также и тем, что оно предполагает *динамику*. Это ещё одна важная составляющая в осмыслении маргинальности. Маргинальность ни в коем случае нельзя характеризовать как сколько-нибудь статичное состояние с точки зрения изучаемого индивида. Ведь всякая статика обретает форму, а значит, норму и теряет свою неопределенность. Конечно же, форму нельзя совершенно отделить от содержания. Но формализация во многом лишает состояние кризисности.

Опасность формализации можно проиллюстрировать на простом примере: большинство людей определяют божией как маргиналов. И действительно, божие демонстрируют маргинальное поведение. Однако психологическое состояние таких людей оказывается разным. Стаж бездомности свыше 6 месяцев приводит к изменениям психики личности. Пребывание в положении бездомного в течение 3–5 лет приводит к таким глубоким личностным изменениям, что процесс ресоциализации крайне затруднен [12; 13. С. 32]. Человек

смирятся со своим состоянием, оно кажется ему «нормальным», защитные механизмы психики уже не нужны. Но человек продолжает демонстрировать маргинальное поведение в силу привычки, в силу того, что это поведение становится для него «нормой».

Другой пример – проститутки. Они рассматриваются как маргиналы и с точки зрения государства, даже когда оно легализует продажную любовь, и с точки зрения обывателя. Никакой дифференциации здесь не проводится. Между тем сами «жрицы любви» далеко не так однозначно воспринимают своё положение, зачастую считая проституцию нормальным занятием. Как отмечают исследователи петербургской проституции, в конце XIX в. «многие шли в бордели вполне сознательно и, как правило, добровольно» [14. С. 26]. Обитательницами борделей были и полностью безвольные жертвы, и сознательные профессионалки, находящие там защиту, «а главное, чёткий профессионально-социальный статус, что в некоторой степени могло помочь им при желании изменить свою судьбу» [Там же. С. 28].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что маргинальность может быть следствием определения со стороны общества, пограничности, периферийности и множества других причин, но по сути является мировоззренческим явлением, процессом самоопределения, поиска идентичности в момент кризиса, связанного с неопределенностью своего положения, неудовлетворенностью им. Другими словами, маргинальность можно выразить как *кризисное состояние неуверенности, неопределенности или самоопределения человека в мире*.

Маргинальный человек – человек неуверенный, не удовлетворенный своим положением. В качестве последствий маргинализации социологи называют нарастание негативизма, десоциализацию и атомизацию личности, изменение жизненной ориентации на настоящее, сиюминутное, цинизм, страх жизни, униженность и беспомощность, враждебное и разрушительное поведение. Разные по форме и содержанию, по сути признаки сводятся к защитной реакции, сознательным или подсознательным действиям, направленным на преодоление нестандартной, дискомфортной ситуации. В крайних формах это психические расстройства, самоубийства, бунты и т.д. О страхе и кризисе идентичности как основных причинах многих социальных и личных проблем говорит и американский учёный неопсихоаналитической школы Э. Эриксон [15]. В основе его концепции – развитие человека путём постоянного взаимодействия со средой и через последовательные идентификации себя со значимыми и подходящими для него и общества ролями. А «одним из самых активных стимуляторов процесса маргинализации служит страх – перед дьяволом, ересями, болезнями, телесными аномалиями, чужеземцами, а позднее и тунейдством» [5. С. 147].

Итак, предложив такое нетрадиционное понимание маргинальности, необходимо сделать попытку оценки его методологической продуктивности в исследовании прошлого. Хотелось бы начать с того, что в руках историка до сих пор нет удовлетворительного инструмента социально-психологической типологизации ис-

торической личности. Концепции кризиса идентичности, бегства от свободы, социального характера и т.д. дали возможность объяснения внутренних мотивов поведения исторической личности, но социальный контекст этого поведения оказывается слабо затронут. Понятие маргинальности дает возможность посмотреть на личность сквозь призму социального и культурного контекстов независимо от детских переживаний, первичных потребностей и душевного здоровья.

Ярким примером маргинальной личности прошлого можно считать Ивана Грозного. С традиционной точки зрения определить Ивана IV маргиналом невозможно, так как царь воплощает в себе вершину социальной иерархии. Многие предпочтут назвать Грозного сумасшедшим, чем объяснять его специфическое поведение. Однако применение концепции маргинальности позволяет увидеть точки напряжения между обществом и царем не по линии политических и идеологических доктрин или психологических кризисов, а по линии морали, представлений о должном, являющихся основой всяческой социализации. Другими словами, обозначив Ивана Грозного как маргинала, мы можем объяснить учреждение опричнины не через политические мотивы или безумие царя, не через его специфическую религиозность (собственно, специфику религиозности тоже надо объяснять, и хотя такие попытки делаются (Р.Г. Скрынников, А.Л. Юрганов и др.), социальному и психологическому аспектам этой религиозности уделяется недостаточно внимания), а через присущее маргиналам поведение, в котором есть своя логика, свои цели, отличные от тех, что ему приписывали.

Есть основания считать, что целью опричнины было стремление Ивана Грозного добиться признания и любви к нему как к царю, каким бы далеким от идеала он ни был [16]. Методы Ивана IV могут показаться парадоксальными, но ровно до того момента, пока мы не примем во внимание маргинальность царя. Сиюминутность методов, средств и промежуточных целей, страх и неуверенность порождали спонтанное, но вполне логичное поведение, направленное на подавление любых сомнений в его статусе и возможностях. Понятие маргинальности в данном конкретном случае предоставило возможность дать удовлетворительное объяснение поведения Ивана Грозного. Другой аспект применения концепции – группы и сообщества, которые принято называть маргинальными. Историки уже использовали понятие маргинальности по отношению к средневековым нищим [17. С. 294–317]. Есть и работы, объясняющие эволюцию маргинальных (лиминальных) сообществ [18]. Что же даст историку понятие маргинальности применительно к группам и сообществам?

Первое, на что можно обратить внимание, это то обстоятельство, что изучение различных групп, занимающих особое положение в обществе, методологически плохо обосновано в исторической науке. Если социологи создали целый сонм теорий по поводу субкультурных общностей, протестных движений, промежуточных страт и т.п., то историки чаще довольствуются «межклассовыми прослойками», люмпен-пролетариатом, сектами (если речь идет о религиозной жизни), «восставшими крестьянами» и т.п.

Ещё В. Тернер показал, что разрушение традиционной структуры или выход из неё значительного числа людей создают общность с новыми характеристиками и своей эволюционной логикой. В этом плане разные средневековые группы, например восставшие крестьяне, подвергающиеся давлению этнические группы, старообрядцы в период реформ патриарха Никона и опричники Ивана Грозного, будут иметь нечто общее в плане поведенческих и эволюционных характеристик. Уже обозначение их как маргинальных групп позволяет типологизировать, сравнивать, оценивать их роль в мутации общественной структуры, лучше понимать индивидуальное поведение.

Точки пересечения таких протестных движений, как раскол и крестьянские восстания, отмечались историками уже давно. Однако специфика уравнилельных идей и анализ нравственных представлений в среде протестующих масс практически не изучены. Между тем аналогии с такой элитарной общностью, как опричники, показывают, что уравнилельные идеи и особенное отношение к нравственности могут быть существенными характеристиками маргинальных страт и общностей. Если это действительно так, то мы можем увидеть маргинальные сообщества как элемент диалектической борьбы традиции и новации в рамках образа общества, близкого к синергетической пара-

дигме. Борьба хаоса и структуры, лиминальности и коммунитас, традиции и новации, маргинальности и... И вот здесь мы видим то новое, что может дать маргинальность, понимаемая как неопределенность. И опричники, и бунтующие крестьяне, и раскольники на определенном этапе развития своего движения или общности не могут определиться в каком-либо качестве. Сторонники Уота Тайлера в Англии продолжают верить, что они верные подданные короля, раскольники мечтают о правильно поставленных епископах, опричники считают, что преданность дороже чести... Но все они сомневаются и ищут способ утвердиться в своей правоте. Нравственность подчеркивается или, наоборот, с ожесточением отвергается, представители группы демонстрируют поведение, похожее на поведение отдельного маргинала. Можно сказать, что появление маргинальной общности, или маргинализация определенного слоя приводит к схожим алгоритмам развития и поведения. Такие общности можно и нужно классифицировать по степени маргинализации, можно рассуждать о скорости инкорпорации в устойчивую структуру, о специфике нравственного выбора. Определенно связь между социокультурной неопределенностью и порождаемыми ею идеями и поведением нуждается в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33, № 6.
2. Ярская-Смирнова Е.П. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
3. *Маргинальность* в современной России. Сер. Научные доклады. № 121. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
4. Kerkhoff A.C., McCormick T.C. Marginal status and marginal personality // *Social forces*. 1955. Vol. 34, № 1.
5. Фарж А. Маргиналы // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
6. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
7. Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986.
8. *Панорама буржуазной социологии XX в.* М., 1980.
9. Попова И.П. Маргинальность и особенности её проявления в современном российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.
10. *Культурология XX в.* Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2.
11. Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000.
12. Арсенихин А. Влияние бедности на развитие индивидуальности и общества // Юристы за гражданское общество. 2010. URL: <http://www.lawcs.ru/doc/articles/Arsenikhin.doc>
13. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8.
14. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.
15. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
16. Сайнаков Н. Опричнина Ивана Грозного глазами тех, кто выжил. Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования. LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
17. Ястребицкая А.Л. «Низшие социальные слои»: бедность и бедняки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999.
18. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1985.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2013 г.